

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	11
Введение. По умолчанию — мужчины.....	17
Часть I. Повседневная жизнь.....	51
Глава 1. Уборка снега и сексизм.....	52
Глава 2. Писсуары и гендерное равенство.....	74
Часть II. На рабочем месте.....	101
Глава 3. Долгая пятница.....	103
Глава 4. Миф о меритократии.....	133
Глава 5. Эффект Генри Хиггинса.....	160
Глава 6. Дешевле пары туфель.....	180
Часть III. Техника и технологии.....	201
Глава 7. Теория плуга.....	203
Глава 8. Универсальный (мужской) размер.....	220
Глава 9. Море чуваков.....	236
Часть IV. У врача.....	267
Глава 10. Лекарства, которые не лечат.....	269
Глава 11. Синдром Йентл.....	298

Часть V. Общественная жизнь	321
Глава 12. Бесплатный ресурс	323
Глава 13. Кошелек и бумажник	342
Глава 14. Права женщин — права человека	356
Часть VI. Когда случается беда	385
Глава 15. «Мы» — значит мужчины?	387
Глава 16. Вас убьет не стихия	396
Послесловие	414
Благодарности	425
Примечания	428

Женщинам, упрямо твердящим:
«Останемся чертовски сложными»*

* «Чертовски сложная женщина» (a bloody difficult woman) — характеристика, данная британским политиком Кеннетом Кларком экс-премьер-министру Великобритании Терезе Мэй. Мэй в интервью с удовольствием повторяла его слова. — *Прим. ред.*

Изображение мира, как и сам мир, — дело мужчин; они описывают его со своей точки зрения, которую путают с абсолютной истиной.

Симона де Бовуар

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти вся письменная история человечества содержит зияющий пробел в данных. Начиная с возникновения теории о мужчине-охотнике, хроникеры и историки практически не уделяли внимания женщинам и их роли в эволюции человеческого рода, как культурной, так и биологической. Население планеты как будто состояло исключительно из мужчин. История же другой половины человечества почти целиком скрыта завесой молчания.

Эта завеса лежит буквально на всем. Вся наша культура пронизана молчанием. Фильмы, новости, литература, наука, градостроительство, экономика. Истории, которые мы рассказываем себе о собственном прошлом, настоящем и будущем. Все это покрыто и искажено молчанием — «отсутствующим присутствием» женщин. Завеса молчания — это отсутствие гендерных данных.

Но дефицит гендерных данных — не просто завеса молчания. Постоянное умалчивание, отсутствие данных имеет последствия, изо дня в день влияющие на жизнь женщин. Влияние может проявляться, казалось бы, в мелочах. Например, в том, что женщины зябнут в офисах, где температура воздуха рассчитана на мужчин. Или в том, что они не могут дотянуться до верхней полки шкафа, высота которого тоже рассчитана на рост среднестатистического мужчины. Это неприятно? Конечно. Несправедливо? Вне всяких сомнений.

Но все это не смертельно. Иное дело — попасть в аварию в автомобиле, стандарты безопасности которого не расчи-

таны на антропометрические параметры женщин. Или слечь с инфарктом, который врачи не могут распознать, потому что симптомы, видите ли, «нетипичны». В этих случаях мир, скроенный по меркам мужчин, таит в себе смертельную опасность для женщин.

Важно понимать, что дефицит гендерных данных, как правило, возникает не по злему умыслу, и вообще не по умыслу. Совсем наоборот. Это продукт тысячелетиями складывавшегося образа мысли — точнее, недомыслия. Даже двойного недомыслия: люди — это по умолчанию мужчины, а о женщинах можно и умолчать. Ведь говоря «люди», мы в общем и целом имеем в виду мужчин.

Сама по себе эта мысль не нова. Широкою известность она получила благодаря Симоне де Бовуар, которая в 1949 г. писала: «Человечество создано мужским полом, и это позволяет мужчине определять женщину не как таковую, а по отношению к самому себе; она не рассматривается как автономное существо. [...] Он — Субъект, он — Абсолют, она — Другой»^{*}. Нов лишь контекст, в котором женщины по-прежнему рассматриваются как «Другие». Контекст — это мир, который все больше зависит от данных, фактически находится у них в плену. В плену больших данных, которые, в свою очередь, обрабатываются на больших компьютерах с помощью больших алгоритмов, после чего превращаются в большую правду. Но если большие данные грешат большими пробелами, вместо правды мы получаем в лучшем случае полуправду. А в отношении женщин — попросту неправду. Как говорят программисты, «мусор на входе — мусор на выходе».

Этот новый контекст настоятельно требует ликвидации дефицита гендерных данных. Сегодня никого не удивишь

^{*} Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц./Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. — М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. — *Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, прим. пер.*

тем, что искусственный интеллект помогает медикам ставить диагнозы, рассматривает резюме соискателей при приеме на работу и даже проводит с ними собеседования. Но системы искусственного интеллекта обучаются на массивах данных, в которых зияют огромные дыры, образовавшиеся из-за нехватки исходной информации, а поскольку алгоритмы, будучи проприетарными программами, чаще всего закрыты, мы даже не знаем, учитываются ли эти дыры. Судя по всему, не учитываются.

Цифры, технологии, алгоритмы — все это играет ключевую роль в истории под названием «Невидимые женщины». Но они рассказывают только ее половину. Данные — это попросту сведения, а сведения можно черпать из самых разных источников. Да, статистика предоставляет нам сведения, но и человеческий опыт тоже. Поэтому я буду стоять на своем: если мы собираемся строить мир, удобный для всех, мы должны найти в нем место женщинам. Если решения, касающиеся всех нас, принимают почти исключительно белые, физически здоровые мужчины (причем девять из десяти — американцы), образуется информационная дыра — такая же, как при отказе испытывать воздействие лекарственных препаратов на женских организмах. Далее я постараюсь показать, что игнорирование женского ракурса данных ведет, пусть ненамеренно, к перекосу в пользу мужчин, выдаваемому (часто совершенно искренне) за гендерную нейтральность. Именно это имела в виду Симона де Бовуар, когда писала, что мужчинам свойственно путать свою личную точку зрения с абсолютной истиной.

Проблемы, с которыми сталкиваются женщины и которых не учитывают мужчины, существуют во множестве областей, но, читая эту книгу, вы увидите, что в ней постоянно фигурируют три темы: **особенности женского организма, неоплачиваемая женская работа по дому и мужское насилие в отношении женщин.** Проблемы в этих трех областях

настолько серьезны, что затрагивают практически все сферы нашей жизни — от поездок в общественном транспорте до политики, от организации рабочих мест до здравоохранения. Но мужчины забывают о них, потому что не знают, каково это — жить в женском теле. Они, как мы увидим, выполняют лишь малую часть неоплачиваемой «женской» работы. И хотя они тоже сталкиваются с насилием со стороны представителей своего пола, это не то насилие, от которого страдают женщины. В итоге различия между мужчинами и женщинами игнорируются и мы исходим из того, что мужской организм и мужской опыт гендерно нейтральны. Это одна из форм дискриминации женщин.

На протяжении всей книги я буду оперировать двумя категориями: «пол» и «гендер». Под полом я понимаю биологические особенности индивидуума, которые делят людей на мужчин и женщин. То есть две X-хромосомы (XX) у женщин и одна X- и одна Y-хромосома (XY) у мужчин. Под гендером — социальные факторы, накладывающиеся на биологические, то есть отношение общества к женщине, *воспринимаемой* как существо женского пола. Обе категории умозрительны, но при этом отражают реальность. И обе они чреватые серьезными последствиями для женщин, вынужденных жить в мире, скроенном по меркам мужчин.

На протяжении всей книги я пишу и о поле, и о гендере, но, когда речь идет о нехватке *гендерных* данных, именно гендер выходит на первое место, потому что статистика не отражает потребностей женщин не из-за их пола. А из-за гендера. Давая определение феномену, который причиняет такой ущерб жизни столь многих женщин, я хочу четко назвать его первопричину, и, вопреки многим утверждениям, о которых вы прочтете на этих страницах, проблема — вовсе не женское тело как таковое. Дело в значении, приписываемом ему обществом, и в социально обусловленном игнорировании его особенностей.

«Невидимые женщины» — история об «отсутствующем присутствии», и писать о нем порой непросто. Притом что у нас мало гендерных данных в целом (мы ведь их не собираем, а если и собираем, то не разбиваем по половому признаку), этих данных практически нет, когда речь идет о цветных женщинах, женщинах-инвалидах, представительницах рабочего класса. Их нет не только потому, что они не собраны, но, повторяюсь, и потому, что они не отделены от информации о мужчинах, то есть данные собираются без разбивки по полу. Статистические данные о представительстве групп в разных сферах, от академического сообщества до киноролей, содержат разделы «женщины» и «этнические меньшинства», так что данные по женщинам — представительницам этнических меньшинств тонут в каждой из этих более широких категорий. Если данные есть, я их привожу, но чаще всего они отсутствуют.

Эта книга — не записки психоаналитика. Мне не дано проникнуть в глубины сознания тех, кто способствует сохранению дефицита гендерных данных, а значит, я не могу открыть читателю первопричины этого явления. Я могу лишь представить факты и предложить читателю оценить их. Меня также не интересует, являются ли производители орудий труда, разработанных по мужским меркам, тайными сексистами. Личные мотивы не важны — во всяком случае, до определенных пределов. Важны закономерности. Важно понять, можно ли считать дефицит данных (учитывая количество информации, которую я представляю читателю) всего лишь результатом колоссального совпадения.

Я утверждаю, что это не совпадение. Я буду настаивать: дефицит гендерных данных — одновременно и причина, и следствие заблуждения, будто человечество состоит исключительно из мужчин. Я покажу, как часто и в сколь многих областях проявляется этот «мужской перекосяк» и насколько он искажает считающиеся объективными данные, от которых

Невидимые женщины

все сильнее зависит наше существование. Я покажу, что даже в нашем сверхрациональном мире, которым все чаще управляют сверхбеспристрастные сверхкомпьютеры, женщины во многом так и остаются, по определению Симоны де Бовуар, «вторым полом», и что опасность оказаться оттесненными (в лучшем случае) на роль «подвида» мужчин сегодня велика как никогда.

ВВЕДЕНИЕ

По умолчанию — мужчины

Наше общество свыкло с тем, что люди — по умолчанию мужчины. Свыклось, поскольку это представление уходит корнями в глубокую древность — так же, как и сама теория эволюции человека. Уже в IV в. до н. э. Аристотель открыто заявлял, что человек — по умолчанию мужчина. Для него это был бесспорный факт. «Первое отступление от природы заключается в том, что приплод может оказаться не самцом, а самкой», — писал он в своем биологическом трактате «О возникновении животных» (оговаривая, впрочем, что «самка необходима по своей природе»)*.

Более 2000 лет спустя, в 1966 г., Чикагский университет организовал симпозиум по первобытным обществам охотников и собирателей — *Man the Hunter* («Человек-охотник»). На симпозиуме присутствовали более 75 социоантропологов из многих стран мира. Обсуждалась центральная роль охоты в эволюции человека и развитии человечества. С тем, что именно охота играла центральную роль, были согласны все участники форума¹. «Биологическими и психологическими особенностями, а также привычками, отделяющими нас от обезьян, — всем этим мы обязаны охотникам прошлого», —

* Аристотель. О возникновении животных / Пер. с древнегреч. В.П. Карпова. — М. — Л.: Издательство АН СССР, 1940.

указывалось в одной из статей сборника, изданного по материалам симпозиума. Очень хорошо, вот только, как отмечали феминистки, в эту теорию не укладывалась эволюция женщин. Потому что из этого труда явствует: охота — чисто мужское занятие. Ведь если «наш интеллект, интересы, эмоции и основы социальной жизни — продукты эволюции, обусловленные успешным освоением охоты», что можно сказать о женской половине человечества? Если носителями эволюции человечества выступают мужчины, можно ли вообще считать женщину человеком?

В своей ставшей классической работе 1975 г. «Женщина-собирательница: “мужской перекоп” в антропологии» (*Woman the gatherer: male bias in anthropology*) антрополог Салли Слокум поставила под сомнение определяющую роль «мужчины-охотника»². Антропологи, утверждала она, «рассматривают эволюцию сквозь призму мужских занятий, как будто этого достаточно для ее объяснения». Она задала простой вопрос, который до нее никто не ставил: «А что делали женщины, пока мужчины охотились?» Ответ: они занимались собирательством и ухаживали за детьми, долгое время остававшимися беспомощными и нуждавшимися в присмотре. Оба эти занятия требовали сотрудничества. В свете этого, пишет Салли Слокум, утверждать, что «в основе человеческой эволюции лежит склонность мужчин к охоте и убийству», — значит «придавать слишком большое значение агрессии, которая является лишь одним из инструментов выживания».

Салли Слокум раскритиковала теорию «мужчины-охотника» более четырех десятилетий назад, но «мужской перекоп» в теории эволюции сохраняется до сих пор. «Ученые считают, что в процессе эволюции у людей выработался инстинкт насилия и убийства» (*Humans evolved to have an instinct for deadly violence, researchers find*) — статья под таким заголовком была опубликована в 2016 г. на сайте *The Independent*³. В ней дается ссылка на работу «Филогенетиче-

ские корни склонности к насилию и убийству у людей» (The phylogenetic roots of human lethal violence), авторы которой утверждают, что в результате эволюции люди стали убивать себе подобных в шесть раз чаще, чем в среднем любое другое млекопитающее⁴.

Безусловно, это верно для представителей человеческого рода в целом, но дело в том, что себе подобных убивают почти исключительно мужчины. Анализ статистики убийств за 30 лет, проведенный в Швеции, показал, что девять из десяти убийств совершают мужчины⁵. Об этом же говорит и статистика убийств в других странах, в том числе Австралии⁶, Великобритании⁷ и США⁸. Исследование ООН, посвященное убийствам, выполненное в 2013 г., показывает, что во всем мире 96%⁹ лиц, совершивших убийства, — мужчины. Так у кого же выработался инстинкт убийства — у всех людей или только у мужчин? И если женщины в целом не убивают, что прикажете думать о женской «филогенетике»?

Похоже, подход, который можно обозначить как «мужчина-если-не-указано-иное», пустил корни во всех областях этнографической науки. Например, на наскальных рисунках часто встречаются изображения промысловых животных. Ученые всегда считали, что они сделаны мужчинами-охотниками. Но недавний анализ отпечатков пальцев, обнаруженных рядом с рисунками в пещерах во Франции и Испании, позволяет предположить, что в большинстве случаев рисунки были сделаны женщинами¹⁰.

Подход «мужчина-если-не-указано-иное» не щадит даже человеческие останки. Думаете, что уж человеческие-то скелеты, найденные в раскопках, однозначно атрибутируются либо как мужские, либо как женские и «мужскому перекоосу» тут места нет? Ошибаетесь! Более 100 лет скелет жившего в X в. викинга, известного как «воин из Бирки», считался мужским, несмотря на то что тазовые кости указывали на его принадлежность женщине. Он считался мужским, потому что был

похоронен в полном боевом снаряжении, а рядом с ним были обнаружены скелеты двух коней, принесенных в жертву при погребении¹¹. Содержимое захоронения указывало на то, что его «обитатель» был воином¹², — а раз воин, значит, мужчина. (Археологи считали многочисленные упоминания о женщинах-воинах в фольклоре викингов не более чем «мифами»¹³.) Аргумент в пользу принадлежности скелета мужчине (наличие в захоронении оружия) перевешивал довод в пользу принадлежности скелета женщине (наличие у «воина» женского таза), но не смог перевесить результаты анализа ДНК, проведенного в 2017 г. и подтвердившего: скелет принадлежал женщине.

Дискуссии, однако, на этом не закончились. Они просто переместились в другую плоскость¹⁴. Кости могли быть перемешаны. Женщина могла быть похоронена с оружием не потому, что была воином, а по другим причинам. Скептически настроенные ученые, отрицающие принадлежность скелета особе женского пола, придерживаются одной из этих двух версий (хотя именно на основании содержимого захоронения первоначальные сторонники «мужской» версии отметили и ту и другую). Но упорство, с которым отвергается «женская» версия, весьма показательно — особенно учитывая, что принадлежность скелетов, обнаруженных в сходных захоронениях, мужчинам «не ставится под сомнение»¹⁵. Действительно, археологи почти всегда обнаруживают в захоронениях больше мужчин, чем женщин, а это, как сухо заметил антрополог Филип Уокер в своей книге по археологии 1995 г. (в главе, посвященной определению пола по черепу), «не укладывается в наши представления о соотношении численности представителей обоих полов в древних человеческих популяциях»¹⁶. Женщины у викингов имели право собственности, могли наследовать имущество и наживать богатство, занимаясь торговлей. Почему же нельзя предположить, что они могли также и воевать?¹⁷

В конце концов, скелет «воительницы из Бирки» — далеко не единственный скелет женщины-воина, найденный учеными. «Множество женских скелетов в полном боевом снаряжении было обнаружено в степях Евразии от Болгарии до Монголии», — пишет Натали Хайнс в *The Guardian*¹⁸. В частности, у таких народов, как скифы, сражавшимися верхом и использовавшими лук и стрелы воинами были не только мужчины. Результаты анализов ДНК скелетов более 1000 скифских воинов, захороненных с оружием в погребальных курганах от Украины до Центральной Азии, говорят о том, что около 37% скифских женщин и девушек постоянно участвовали в сражениях¹⁹.

О том, насколько глубоко подход «мужчина-если-не-указано-иное» проник в наше сознание, можно судить по тому, что он прочно закрепился в одной из главных несущих конструкций нашего общества — в языке. Так, Салли Слокум, критикуя «мужской перекося» в антропологии, отмечает, что он проявляется «не только в том, как интерпретируются скудные данные, но и в самом языке интерпретации». Слово «человек», пишет она, «настолько неоднозначно, что иногда невозможно понять, относится ли оно только к мужчинам или ко всем представителям человеческого рода». Из-за этой неоднозначности, подозревает Салли Слокум, «в сознании многих антропологов слово “человек”, предположительно относящееся ко всем представителям человеческого рода, на самом деле является синонимом слова “мужчина”». Как мы увидим далее, есть множество подтверждений ее правоты.

В поэме Мюриэл Рукейзер «Миф» старый слепой царь Эдип спрашивает Сфинкса: «Почему я не узнал свою мать?» Сфинкс отвечает, что Эдип неправильно ответил на заданный ему вопрос («Кто ходит утром на четырех ногах, днем — на двух, а вечером — на трех?»). «Ты ответил, что это человек, — говорит Сфинкс. — Но ты имел в виду мужчину. Ты забыл

о женщине». Но, возражает Эдип, всем известно, что, когда мы говорим «человек», мы имеем в виду и женщин тоже.

На самом деле Сфинкс был прав, а Эдип ошибался. Когда мы говорим «человек», мы вовсе не имеем в виду женщин, хотя, по идее, формально *действительно* «всем известно», что понятие «человек» включает представителей обоих полов. Многочисленные исследования в области различных языков, проведенные за последние 40 лет, однозначно указывают на то, что слова так называемого общего (мужского) рода* (например, местоимение *he* («он») в английском языке, применяемое к лицам обоих полов) на самом деле не воспринимаются как «общие» для мужского и женского пола²⁰. В подавляющем большинстве случаев они соотносятся лишь с представителями мужского пола.

Слыша слова общего (мужского) рода, люди чаще представляют себе известного мужчину, чем известную женщину²¹. Если такое слово обозначает профессию, она воспринимается как преимущественно мужская²². Поэтому предпочтение при приеме на такие должности и назначениях на ответственные политические посты отдается мужчинам²³. Кроме того, если в объявлениях о вакансиях используются слова общего (мужского) рода, женщины реже подают заявления о приеме на работу и реже успешно проходят собеседования²⁴. На самом деле слова общего (мужского) рода настолько часто воспринимаются как относимые только к мужчинам, что это восприятие перевешивает другие укоренившиеся стереотипные представления о различных занятиях, в результате чего даже такие традиционно «женские» профессии, как косметолог, начинают восприниматься как мужские²⁵. Эта тенденция искажает в том числе и результаты научных исследований, создавая определенный дефицит гендерных метаданных. Исследование, проведенное в 2015 г. и посвященное предвзятости

* Общий род — грамматическая категория, соотносимая с представителями как мужского, так и женского пола в гендерно нейтральном контексте.

психологических опросов, показало, что использование слов общего (мужского) рода в анкетах влияет на ответы женщин и, соответственно, искажает «результаты опросов»²⁶. Авторы исследования приходят к выводу, что использование слов общего (мужского) рода «может подчеркивать воображаемые различия между женщинами и мужчинами, чего не происходит при использовании гендерно нейтральных формулировок вопросов или естественных для данного языка форм рода».

Хотя уже несколько десятилетий назад было доказано, что употребление слов общего (мужского) рода создает только путаницу в понимании, официальная языковая политика многих стран по-прежнему строится на том, что это всего лишь формальность, которую необходимо соблюдать для... ясности речи! Не далее как в 2017 г. Французская академия, высшая инстанция в области французского языка, яростно выступала против «абберрации “инклюзивного написания”», утверждая, что «французский язык находится в смертельной опасности» из-за отступления от «нормативного» употребления слов общего (мужского) рода. В других странах, в том числе Испании²⁷ и Израиле²⁸, тоже было много шума вокруг этой проблемы.

Поскольку в английском языке нет грамматической категории рода как таковой, общий (мужской) род сегодня используется довольно ограниченно. Такие слова, как *doctor* («врач») или *poet* («поэт»), раньше относились к общему (мужскому) роду. Если нужно было указать, что лечит людей или пишет стихи именно женщина, употребляли слова *doctress* («докторша») или *poetess* («поэтесса»), причем звучало это несколько пренебрежительно. В настоящее время слова *doctor* или *poet* считаются гендерно нейтральными. Но хотя формально общий (мужской) род сегодня употребляют лишь педанты, до сих пор настаивающие, что в значении *he or she* («он или она») достаточно использовать местоимение *he* («он»), а писать *he or she* («он или она») вовсе не обязательно, этот род в каком-то

смысле возвращается к нам в форме таких якобы гендерно нейтральных разговорных американизмов, как *dude* («чувак», «братан») и *guys* («парни», «мужики»), или британского словца *lads* («парни», «ребята»). Впрочем, недавняя шумиха в Великобритании показала, что для некоторых общих (мужской) род сохраняет свое значение. Когда в 2017 г. Дэни Коттон, первая женщина — глава Пожарной бригады Лондона, предложила заменить слово *fireman* («пожарный»*) словом *firefighter* («огнеборец»), явно более выразительным и теперь уже вошедшим в обиход, она получила кучу возмущенных посланий²⁹.

Во флективных языках, то есть таких, в которых слова изменяются по родам (как, например, во французском, немецком и испанском), понятия мужского и женского вплетены в саму ткань языка. Все существительные в таких языках либо мужского, либо женского рода. В испанском языке «стол» — женского рода (*la mesa roja* — красный стол), а «автомобиль» — мужского (*el coche rojo* — красный автомобиль).

Что касается существительных, обозначающих людей, то, хотя они могут быть и мужского, и женского рода, стандартный род всегда мужской. Наберите в строке поиска Google запрос «“адвокат” по-немецки». Выскочит слово *Anwalt*, что буквально означает «адвокат-мужчина», но также может означать адвоката вообще, любого пола. Имея в виду женщину-адвоката, вы скажете *Anwältin* (кстати, существительные женского рода, как в данном случае, часто образуются от существительных мужского рода — еще один тонкий способ позиционирования женщины как отклонения от (мужской) нормы, или, в терминах Симоны де Бовуар, как «Другого»). Общий (мужской) род также используется при обозначении групп людей, включающих представителей обоих полов или лиц, чей пол неизвестен. Соответственно, группу из ста женщин — преподавателей испанского языка назовут *las*

* Fireman — от англ. fire (огонь) и man (человек, мужчина).

profesoras, но если в ней будет хоть один мужчина, скажут *los profesores*. Такова сила убежденности в том, что люди — по умолчанию мужчины.

Во флективных языках общий (мужской) род по-прежнему используется достаточно широко, в частности в объявлениях о вакансиях для обозначения должностей — особенно руководящих³⁰. Недавнее исследование, проведенное в Австралии и посвященное языку объявлений о вакантных руководящих должностях, показало, что соотношение слов общего (мужского) рода и словосочетаний «справедливого» рода (то есть слов, которые могут относиться и к мужскому, и к женскому роду) составляет 27:1³¹. Европейский парламент считает, что нашел решение проблемы: с 2008 г. он рекомендует вставлять в объявления о вакансиях (на флективных языках) обозначение *m/f* («мужчина или женщина»). По мысли членов Европарламента, это делает общий (мужской) род более «справедливым», так как вышеуказанное обозначение якобы напоминает о существовании женщин. Идея хорошая, но данные говорят о том, что эффект от ее реализации нулевой. Ученые обнаружили, что использование слов «справедливого» рода само по себе не оказывает никакого влияния на дискриминационные последствия употребления слов общего (мужского) рода. Вот вам еще одна иллюстрация того, что разработка политики должна начинаться со сбора данных³².

Имеют ли все эти споры о словах какое-либо практическое значение? Безусловно. Анализ, проведенный Всемирным экономическим форумом в 2012 г., показал, что в странах, где говорят на флективных языках, то есть где практически в любом высказывании присутствует выраженная идея мужского или женского начала, уровень гендерного неравенства самый высокий³³. Но вот что интересно: страны, где говорят на языках, в которых грамматическая категория рода отсутствует (как, например, в венгерском и финском языках), уровень гендерного неравенства отнюдь не самый низкий. Самый низкий

уровень гендерного неравенства в третьей группе стран, где говорят на «гендерно нейтральных» языках (например, на английском). В этих языках пол, как правило, обозначается не с помощью флексий, а непосредственно лексически (*female teacher* — учительница, буквально «учитель-женщина»; *male nurse* — медбрат). Авторы исследования предположили, что если язык не позволяет каким-либо образом обозначить гендерную принадлежность, то «скорректировать» скрытый в нем «мужской перекося» за счет акцентирования «присутствия» женщин в этом мире невозможно. Иными словами, люди — по умолчанию мужчины, а о женщинах можно и умолчать.

Можно тешить себя мыслью, что «мужской перекося» в языке — наследие темного прошлого, но факты говорят об обратном. Самый «быстроразвивающийся» язык в мире³⁴, который применяют более 90% пользователей интернета, — язык эмодзи³⁵. Он возник в Японии в 1980-х гг.* и на нем чаще «говорят» женщины³⁶: эмодзи постоянно используют 78% женщин и лишь 60% мужчин³⁷. Тем не менее, как это ни удивительно, до 2016 г. мир эмодзи был мужским.

Эмодзи, которые есть в любом смартфоне, выбирает некоммерческая организация под громким названием Unicode Consortium — группа компаний Кремниевой долины, сотрудничающих в целях поддержки универсального международного стандарта программного обеспечения. Если Unicode Consortium решает, что конкретный эмодзи-символ (скажем, «шпион») следует добавить в существующий набор символов, она решает также, какой исходный код для этого использовать. Производители телефонов (или платформы, например Twitter и Facebook) затем разрабатывают собственный вариант «шпиона». Но все они будут использовать один и тот же код, и, таким образом, пользователи, обмениваясь сообщениями с различных платформ, в принципе будут пользоваться

* Согласно большинству источников, первые эмодзи появились в 1998–1999 гг.

одними и теми же символами, то есть говорить на одном языке. Рожица с глазами-сердечками для всех будет рожицей с глазами-сердечками.

Изначально Unicode Consortium, как правило, не обращала внимания на пол эмодзи-символов. Символ, который на большинстве платформ изначально изображался в виде бегущего человека, не обозначал бегущего мужчину. Он обозначал любого бегущего человека. Точно так же символ, изображающий полицейского, Unicode Consortium обозначала не как полицейского-мужчину, а как человека, служащего в полиции. Но затем отдельные платформы начали приписывать этим гендерно нейтральным символам мужской род.

В 2016 г. Unicode Consortium решила, что с этим надо что-то делать. Отказавшись от своей изначальной «гендерно нейтральной» позиции, организация конкретизировала пол всех эмодзи, обозначавших людей³⁸. Так, вместо символа «бегущий человек», который обозначал бегунов обоих полов, но изображался в виде мужчины, Unicode Consortium разработала символы для обозначения бегущего мужчины и бегущей женщины. В настоящее время существуют аналогичные варианты для всех профессий и видов спорта. Достижение небольшое, но важное.

Можно сколько угодно обвинять производителей телефонов и платформы социальных сетей в сексизме (тем более что они, как мы увидим далее, действительно грешат им, хотя часто не отдавая себе в этом отчета), но дело в том, что даже если бы они исхитрились изобразить гендерно нейтрального «бегущего человека», большинство из нас все равно воспринимало бы его как мужчину — ведь мы обычно воспринимаем род как мужской, если нет особого указания на то, что он женский. Пусть даже (мы очень на это надеемся) суровые ревнителы грамматики в конце концов поймут, что употребление в английском языке сочетаний типа *he or she* («он или она») — или (какой ужас!) даже *she or he*

(«она или он») вместо просто *he* («он») — это еще не конец света, на самом деле отказ от общего (мужского) рода будет только половиной победы. «Мужской перекосяк» так прочно укоренился в нашем сознании, что даже действительно нейтральные в гендерном отношении слова мы воспринимаем как слова мужского рода.

В ходе исследования 2015 г. было выявлено пять наиболее частотных английских слов, обозначающих людей, в статьях, опубликованных в 2014 г. и посвященных взаимодействию человека с компьютером. Обнаружилось, что все они на первый взгляд гендерно нейтральные: *user* («пользователь»), *participant* («участник»), *person* («индивид», «лицо», «человек»), *designer* («разработчик») и *researcher* («исследователь», «ученый») ³⁹. Bravo, специалисты по взаимодействию человека с компьютером! Великолепно! Вот только, как всегда, есть одна загвоздка. Когда участников исследования попросили в течение десяти секунд подумать над тем, что означают эти слова, а затем нарисовать образы, возникшие в воображении, оказалось, что эти, казалось бы, гендерно нейтральные слова отнюдь не воспринимаются как в равной степени относящиеся и к мужчинам, и к женщинам. Только «разработчика» представляли себе как мужчину менее 80% участников эксперимента мужского пола (мужчину нарисовали «всего» 70%). «Ученого» чаще изображали неким бесполом существом, чем женщиной. У участниц эксперимента «мужской перекосяк» проявлялся не так сильно, но в целом и они чаще воспринимали гендерно нейтральные слова как слова мужского рода, и только «индивида» и «участника» (которых около 80% мужчин изобразили в виде мужчин) 50% женщин нарисовали в виде представительницы своего пола.

Эти довольно удручающие результаты перекликаются с результатами серии экспериментов «нарисуй ученого», проводимых не один десяток лет. Большинство участников этих экспериментов упорно рисует мужчин (раньше «мужской

перекос» был настолько силен, что о результатах недавнего исследования, в ходе которого женщин-ученых нарисовали аж 28% детей, СМИ трубили на весь мир как о колоссальном достижении)⁴⁰. Результаты «компьютерного» эксперимента 2015 г. в целом совпадают (что не может не настораживать) и с данными исследования 2008 г., в ходе которого пакистанских школьников в возрасте девяти-десяти лет просили нарисовать образ, возникающий в их воображении в связи со словом «мы»⁴¹. Ни одна школьница не нарисовала девочку — как, разумеется, и ни один школьник.

Восприятие мира как преимущественно «мужского» мы переносим даже на братьев меньших. В ходе одного исследования ученые демонстрировали участникам эксперимента гендерно нейтральное чучело животного, с помощью местоимений женского рода давая понять, что это чучело самки. Однако подавляющее большинство участников (дети, их родители и воспитатели) все равно воспринимало животное как самца и описывали его, используя местоимение «он»⁴². Исследование показало, что для того, чтобы хотя бы «половина участников описывала чучело животного с помощью местоимения “она”, а не “он”», животное должно выглядеть «необыкновенно женственно».

Справедливости ради надо сказать, что такое восприятие животного далеко не всегда ошибочно: часто животное — действительно «он», а не «она». В рамках международного исследования 2007 г., в ходе которого было изучено 25 439 персонажей детских телепередач, обнаружилось, что только 13% персонажей, не являющихся людьми, относятся к женскому полу (доля женщин в общем количестве «человеческих» персонажей была несколько выше, но тоже незначительной — 32%)⁴³. Анализ фильмов категории G (для детей), вышедших в период с 1990 г. по 2005 г., показал, что только 28% ролей со словами достается персонажам женского пола. Еще более ярким свидетельством того, что люди — по умол-

чанию мужчины, была доля женщин в общем количестве участников массовых сцен — всего 17%⁴⁴.

Мужских ролей в фильмах не только больше, чем женских, — на долю персонажей мужского пола приходится вдвое больше экранного времени, чем на долю персонажей женского пола, а в фильмах, где главный герой — мужчина (а таких большинство), даже втрое больше⁴⁵. Только если главная роль в фильме — женская, на долю мужских и женских персонажей приходится равное количество экранного времени (обратите внимание, что даже в этом случае героиням не достается больше экранного времени, чем героям, как можно было бы ожидать). У персонажей-мужчин больше реплик, в целом они говорят вдвое больше женщин: в фильмах, где главный герой — мужчина, в три раза больше; а в фильмах, где две главные роли — мужская и женская, почти в два раза больше. Опять же, лишь в немногих фильмах, где главная роль — женская, персонажи обоих полов присутствуют на экране примерно равное количество времени. Такой дисбаланс обнаруживается не только на кино- и телеэкране. Он повсюду.

Он застыл в скульптурах. Я пересчитала все статуи в базе данных Британской ассоциации общественных памятников и скульптур, и оказалось, что скульптурных изображений одних только мужчин по имени Джон больше, чем изображений вошедших в историю и известных по имени женщин некоролевской крови (единственная причина, по которой я испытываю хоть какое-то почтение к королеве Виктории, — ее привычка повсюду возводить себе памятники, благодаря чему общее количество скульптурных изображений женщин (с учетом коронованных особ) значительно превосходит количество памятников Джонам).

Он проступает на банкнотах. В 2013 г. Банк Англии объявил о замене единственного изображения выдающейся женщины изображением мужчины (я боролась против такой замены

не только в Великобритании, но и в других странах, включая Канаду и США, и небезуспешно)⁴⁶.

Он звучит в новостных программах. Раз в пять лет, начиная с 1995 г., проект «Глобальный медиамониторинг»^{*} анализирует представленность женщин в печатных и других СМИ. В докладе, опубликованном в 2015 г., указывается, что «доля женщин в общем количестве людей, так или иначе представленных или упомянутых в газетах, на радио и на телевидении, составила лишь 24%» — ровно столько же, сколько и в 2010 г.⁴⁷

Этот дисбаланс даже пропечатан в школьных учебниках. Анализ учебных пособий по языку, в течение 30 лет использовавшихся в разных странах, включая Германию, США, Австралию и Испанию, показал, что в предложениях-примерах мужчины фигурируют намного чаще, чем женщины (в среднем соотношение мужчин и женщин в примерах составляет примерно 3:1)⁴⁸. Проведенный в США анализ самых популярных учебников истории для старших классов, опубликованных в 1960–1990-е гг., показал, что фотографии известных мужчин превосходят по численности фотографии известных женщин в соотношении примерно 100:18, а в указателях только 9% имен и фамилий принадлежит женщинам (эта цифра сохраняется и в одном из учебников 2002 г.)⁴⁹. Более поздний анализ (2017 г.) десяти вводных курсов по политологии показал, что женщинам в среднем отводится лишь 10,8% страниц учебника (для некоторых учебников этот показатель составляет всего 5,3%)⁵⁰. Аналогичные результаты дал недавний анализ армянских, малавийских,

^{*} Проект «Глобальный медиамониторинг» (The Global Media Monitoring Project, GMMP) — крупнейший исследовательский и правозащитный проект, нацеленный на анализ освещения гендерной проблематики в СМИ. Каждые пять лет с 1995 г. проект собирает данные по таким направлениям, как присутствие женщин в СМИ, дискриминация по половому признаку и гендерные стереотипы. Последнее исследование проводилось в 2015 г. по 114 странам.

пакистанских, тайваньских, южноафриканских и российских учебных пособий⁵¹.

«Мужской перекося» и непропорционально высокая представленность мужчин настолько распространены в культуре, что создатели классической серии научно-фантастических экшн-игр *Metroid* воспользовались ими, чтобы удивить аудиторию. «Мы гадали, чем бы таким поразить геймеров, и решили снять шлем с [главного героя] Самуса. Кто-то воскликнул: “Народ будет в шоке, если Самус окажется женщиной!”», — вспоминали они в недавнем интервью⁵². А чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что Самус — женщина, они нарядили его в розовое бикини и заставили продемонстрировать попку.

Игра *Metroid* была и остается исключением из правил. Хотя в докладе Исследовательского центра Пью* 2015 г. указывалось⁵³, что в США в видеоигры играет одинаковое количество мужчин и женщин, только в 3,3% игр⁵⁴, представленных на пресс-конференциях во время E3 (крупнейшая в мире ежегодная выставка игр)** 2016 г., главные герои были женщинами. Это даже ниже показателя 2015 г., который, по данным сайта *Feminist Frequency****, составил 9%⁵⁵. Если в демонстрационной версии игры и присутствуют персонажи женского пола, то часто лишь как одна из опций. На E3 2015 г. режиссер *Fallout 4* Тодд Ховард продемонстрировал, насколько легко переключаться между «мужскими» и «женскими» версиями, — но лишь для того, чтобы сразу же вернуться к «мужскому» варианту при показе демоверсии игры⁵⁶. Как отмечалось

* Исследовательский центр Пью (Pew Research Center) — американский исследовательский центр, занимающийся изучением социальных и демографических проблем, а также общественного мнения в США и мире.

** Выставка электронных развлечений (Electronic Entertainment Expo, E3) — ежегодная выставка компьютерных игр, игровых приставок, аксессуаров и т. д., проводимая Entertainment Software Association (ESA).

*** *Feminist Frequency* — сайт, посвященный анализу изображений женщин в массовой культуре.

на сайте Feminist Frequency, опубликовавшем данные по ЕЗ 2016 г., «персонажи игр — по умолчанию мужчины»⁵⁷.

Следствием непропорционально высокой представленности мужчин, столь прочно укоренившейся в культуре, является то, что опыт и представления мужчин рассматриваются как универсальные, а опыт женщин (то есть, как ни крути, половины населения планеты) — как, скажем так, нишевой. Именно потому, что «мужское есть универсальное», одна дама — профессор Джорджтаунского университета, назвавшая свой курс литературы «Писатели — белые мужчины», попала в заголовки СМИ, хотя бесчисленные курсы под названием «Женщины-писательницы» никого не удивляют⁵⁸.

Именно потому, что «мужское есть универсальное» (а женское — «нишевое»), фильм о борьбе британских женщин за избирательные права критиковали (не где-нибудь, а в *The Guardian*) за «чрезмерную ограниченность» (в нем якобы не освещались события Первой мировой войны). Это, к сожалению, доказывает, что замечание, сделанное Вирджинией Вулф в 1929 г. — «Критик считает книгу серьезной, если речь в ней идет о войне, и не стоящей внимания, если в ней описываются чувства женщин в гостинной», — актуально и по сей день⁵⁹. Именно поэтому В.С. Найпол критикует сочинения Джейн Остин за «узость», но при этом никто не ждет от фильма «Волк с Уолл-стрит», что там будет показана война в Персидском заливе, а от норвежского писателя Карла Уве Кнаусгора — что он будет писать о ком-либо, кроме себя (или цитировать более одной писательницы), чтобы заслужить похвалу *The New Yorker* за освещение в своей шеститомной автобиографии «вопросов, волнующих всех нас».

Именно поэтому в статье в «Википедии», посвященной сборной Англии по футболу, речь идет о мужской сборной, а женской сборной посвящена отдельная статья. Именно поэтому в 2013 г. «Википедия» разделила американских писателей на «американских романистов» и «американских

романисток». Именно поэтому в 2015 г. анализ статей в «Википедии» на разных языках показал, что в статьях, посвященных женщинам, встречаются такие слова, как «женщина», «представительница слабого пола» или «леди», а в статьях, посвященных мужчинам, нет слов «мужчина», «представитель сильного пола» или «джентльмен» (потому что люди — по умолчанию мужчины, а о женщинах можно и умолчать)⁶⁰.

Период XIV–XVII вв. мы называем эпохой Возрождения, хотя, как отмечает социопсихолог Кэрол Теврис в книге 1992 г. «Ложная мерка для женщин» (*The Mismeasure of Woman*), возрождение не коснулось женщин, которым по-прежнему не давали участвовать в интеллектуальной и творческой жизни. Мы называем XVIII в. эпохой Просвещения, но просвещение, хотя и расширило «права человека», «сузило права женщин, которым было отказано в праве самостоятельно распоряжаться своим имуществом, зарабатывать и получать высшее и профессиональное образование». Мы считаем Древнюю Грецию колыбелью демократии, хотя женщины (половина населения) там были лишены права голоса.

В 2013 г. СМИ превозносили британского теннисиста Энди Маррея за то, что «после 77 лет ожидания» он принес Великобритании победу на Уимблдоне, хотя на самом деле в 1977 г. ее добилась Вирджиния Уэйд. Три года спустя один спортивный репортер назвал Энди Маррея «первым, кто завоевал две олимпийские теннисные золотые медали» (на что Энди Маррей справедливо заметил, что «у Винус и Серены [Уильямс], кажется, по четыре такие медали») ⁶¹. В США никто не сомневается в том, что сборная страны по футболу не только ни разу не выигрывала чемпионат мира, но даже ни разу не вышла в финал, хотя на самом деле это не так. Женская сборная США по футболу четырежды побеждала на чемпионате мира ⁶².

В последние годы имел место ряд похвальных попыток решить проблему неослабевающего культурного «мужского